

Давыдов Д.А. Концепция постматериализма Роналда Инглхарта в критической перспективе // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 3, с. 86–102.

УДК 32

DOI 10.17506/ryipl.2016.18.3.86102

КОНЦЕПЦИЯ ПОСТМАТЕРИАЛИЗМА РОНАЛДА ИНГЛХАРТА В КРИТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

Дмитрий Александрович Давыдов

кандидат политических наук,
научный сотрудник отдела философии
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: davydovdmity90@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-7978-9240

Материал поступил в редколлегию 28.05.2018 г.

В статье рассматривается проблема интерпретации эмпирических данных о динамике ценностей. Критикуется концепция постматериализма Р. Инглхарта. Аргументируется, что подлинный расцвет постматериалистических ценностей невозможен в капиталистическом обществе. Утверждается, что многие достижения постматериализма оказались не такими существенными, как предполагалось изначально. Проявления постматериализма, наблюдавшиеся в послевоенные десятилетия, скорее всего, связаны с достижениями социального государства, не допускавшего сильного социального неравенства, обеспечившего гарантии получения образования, занятости, стабильный рост материального благосостояния граждан и т.п. Показано, что постматериалистические тенденции быстро обращаются вспять с переходом к неолиберальной модели экономики. Это также подтверждается лонгитюдными исследованиями ценностей молодежи. Согласно результатам данных исследований, сегодня происходит существенный сдвиг в сторону материалистических приоритетов (деньги, слава, имидж и т.п.). При этом декларируемые представителями молодых поколений ценности самореализации нередко оказываются маркерами завышенной самооценки и нарциссической заикленности на собственной персоне. Представители молодых поколений на словах отличаются большей озабоченностью общественными проблемами, хотя реально они проявляют меньше эмпатии и альтруизма. Установка на самореализацию путем общественной активности, труда и саморазвития нередко замещается стремлением заполучить как можно больше лайков в соцсетях или достигнуть успехов в виртуальных играх. Автором выдвинуто предположение, согласно которому динамика

¹ Статья подготовлена в рамках работы по гранту РФФИ № 18-011-00088 «Политический порядок современных обществ в контексте рентной трансформации».

ценностей свидетельствует о становлении рентного общества. В таком обществе ускорение темпов цифровизации и автоматизации производства сочетается с упадком институтов образования, ответственных за личностное развитие и подготовку кадров для высокотехнологичной экономики. Поэтому представители растущей прослойки «лишних людей» все чаще выражают материалистическую заинтересованность в независимом от трудовых заслуг стабильном доходе и доступе к различного рода развлечениям.

Ключевые слова: миллениалы, поколение Z, постматериалистические ценности, рентное общество.

С момента выхода книги американского социолога и политолога Р. Инглхарта «Молчаливая революция: изменение системы ценностей и политического стиля в западном обществе» (Inglehart 1977) прошло уже довольно много времени, однако споры о постматериализме не утихают и сегодня. Основная идея Инглхарта сводится к тому, что экономическая модернизация имеет результатом состояние экзистенциальной безопасности, порождающее сдвиг от материалистических (в соответствии с пирамидой Маслоу) к постматериалистическим ценностям самореализации, самовыражения, заботы об окружающей среде и т.п. Сами эти ценности, согласно Инглхарту, являются важным фактором укрепления демократических институтов.

Но проблема подобного рода теоретизирования заключается как раз в том, что подчас довольно сложно отделить причины от следствий. Такого рода ситуация возникла в дискуссиях о социальном капитале, начало которым положили труды Р. Патнэма «Чтобы демократия сработала: гражданские традиции современной Италии» (Putnam 1993) и «Боулинг в одиночку: крах и возрождение американского сообщества» (Putnam 2000). Тогда утверждалось, что доверие и горизонтальные социальные связи (социальный капитал) способствуют укреплению демократических институтов и экономическому прогрессу. Но вскоре выяснилось, что фактически все индексы доверия и гражданской активности находятся в строгой зависимости от показателей экономического благосостояния и социального равенства (Давыдов 2014). Иными словами, социальный капитал есть вторичный фактор, его наличие – это скорее следствие, нежели причина экономического развития, равенства и работоспособности демократических институтов.

Как мы покажем далее, нечто похожее наблюдается с концепцией Р. Инглхарта. Здесь мы будем придерживаться теоретической позиции, согласно которой в буржуазном обществе невозможно устойчивое преобладание постматериалистических ценностей. Оно может быть разве что мимолетным, поскольку под ним нет устойчивой материальной основы. И так как существование данных ценностей – завоевание отнюдь не рыночной экономики, они не могут играть преобразующую общество роль, пока сама система способствует скорее разобщенности, нежели сплочению вокруг постматериалистических ценностей.

Сомнительный постматериализм

Р. Инглхарт является руководителем проекта «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey), в рамках которого с 1981 г. проведено уже шесть раундов социологических исследований ценностей населения порядка 97 стран. Социологи с помощью стандартизированных опросных листов измеряют изменения в ценностях, касающихся религии, отношений полов, трудовой мотивации, демократии, системы управления в стране, социального капитала, участия в политической жизни, толерантности, защиты окружающей среды и субъективного ощущения благополучия. Опираясь на результаты проекта, в своих исследованиях Инглхарт показывает, что по мере экономического развития и обеспечения всех членов общества базовым набором материальных благ (гарантия выживаемости) традиционные ценности (придающие особое значение религии, уважению авторитета, национальной принадлежности, а также порождающие низкий уровень толерантности к абортам и разводам) постепенно вытесняются секулярно-рациональными (имеющими противоположные характеристики). Но более важно то, что ценности выживания (физическая и экономическая безопасность, нетерпимость к инакомыслию, готовность принять авторитаризм, покорность) сменяются постматериалистическими ценностями самовыражения. Как отмечает Инглхарт, «ценности самовыражения придают первостепенное значение охране окружающей среды, терпимости к разнообразию и растущим требованиям к участию в принятии решений в экономической и политической жизни»; «переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения также включает изменение ценностей воспитания детей от акцента на тяжелой работе к акценту на воображении и терпимости как важнейших критериях успеха. Общества, которые высоко ценят ценности самовыражения, характеризуются высоким уровнем межличностного доверия и относительно высоким уровнем субъективного благополучия. Это создает атмосферу доверия и толерантности, люди уделяют относительно большую ценность индивидуальной свободе и самовыражению, а также имеют активистские политические ориентации – атрибуты, которые политическая культура определяет как решающие для развития демократии» (Inglehart 2008: 140). По мнению американского политолога, люди, разделяющие ценности самореализации, не потерпят того, чтобы за них решались ключевые политические вопросы. Стремление к самовыражению и изменению мира к лучшему неизбежно влечет за собой рост гражданского самосознания, а это расшатывает авторитарные режимы и *приводит либо к демократизации, либо к значительному повышению работоспособности старых демократических институтов*. Р. Инглхарт и К. Вельцель пишут: «...что же первично – демократическая политическая культура или демократические институты? Степень поддержки людьми ценностей самовыражения тесно связана с развитием демократических институтов. Но что здесь причина, а что следствие? Мы полагаем, что демократические институты относительно слабо воздействуют на ценности самовыражения, распространение которых определяется в первую очередь социально-экономическим развитием. Однако утверждение этих ценностей должно существенным

образом влиять на формирование демократических институтов, поскольку они по сути своей связаны с гражданскими и политическими свободами, составляющими основу демократии» (Инглхарт, Вельцель 2011: 229). Рост постматериалистических ценностей, таким образом, выступает предпосылкой политической модернизации. Более того, как отмечает В.С. Мартьянов, «постматериализм проявляется в росте значимости внеэкономических, культурных, ценностных факторов в целеполагании и принятии индивидуальных и коллективных решений в сравнении с экономическими. Поэтому в данном контексте у ряда исследователей возникает довольно утопическая гипотеза о целенаправленном движении человечества к постэкономическому обществу, где в полном соответствии с прогрессистским дискурсом наиболее развитые общества и тенденции, превалирующие в них в настоящем, являют собой картину будущего для периферийных обществ миросистемы» (Мартьянов 2014: 85).

Думается, нет оснований сомневаться в достоверности самих данных, полученных проектом Р. Инглхарта. Наблюдается достаточно строгая и убедительная закономерность: чем беднее и «традиционнее» страна, тем больше там распространены традиционные и материалистические ценности, и наоборот. Где-то внизу «диаграммы Инглхарта» будут располагаться такие страны, как Тунис, Марокко, Зимбабве, Нигерия и т.п., а сверху – страны протестантской Европы (Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, Нидерланды). Однако возникает множество вопросов, касающихся *теоретической интерпретации* этих данных.

Начнем с того, что указанная трансформация произошла уже довольно давно. Как пишет сам Инглхарт, «несмотря на то что поколение 1956–1965 гг. рождения было более склонно разделять постматериалистические ценности, чем когорты 1946–1955 гг. (что отражает тот факт, что годы формирования когорты 1956–1965 гг. были более безопасными, чем у ближайшей послевоенной когорты), два последних поколения остались без видных изменений. Западные европейские уровни экономической безопасности не продолжали расти в течение последних двух десятилетий» (Inglehart 2008: 136). Еще через 8 лет Инглхарт отмечает: «...плохая новость заключается в том, что почти все экономические завоевания за последние несколько десятилетий в Соединенных Штатах и большинстве других промышленно развитых стран достигли вершины. При этом экзистенциальная безопасность снижается для большей части населения, особенно молодежи, даже среди тех, кто имеет университетское и постдипломное образование» (Inglehart 2016: 21). Иными словами, «золотой век» постматериализма (1970–1980-е гг.) будто бы уже миновал, но реального укрепления демократических институтов так и не наблюдалось: снижение экзистенциальной безопасности для большей части населения при общем росте экономики может свидетельствовать только об ослаблении социальной базы демократии. Поэтому неудивительно, что в России, США и Китае экономический рост в начале XXI в. сочетался с упадком постматериалистических ценностей. Как отмечает Р. Брим, за это время «доля американцев-постматериалистов упала более чем на 8%, в то время как данный показатель относительно граждан Китая снизился

более чем на 10% – до всего-навсего 3%. Пропорция россиян, которых можно отнести к постматериалистам, уменьшилась незначительно – менее чем на 1%. Тем не менее сегодня только 2% россиян могут быть названы постматериалистами с позиций теории Инглхарта» (Brum 2016: 197-198). Сам Брим видит причину такого снижения в росте социального неравенства в данных странах, а также в сопутствующем подъеме ксенофобских умонастроений на фоне роста миграционных потоков и обострения международной обстановки. Так, с 11 сентября 2001 г. доля американцев, негативно отзывающихся об исламе, выросла почти на 20% и в 2014 г. достигла почти 50% (Brum 2016: 203).

Есть основания полагать, что и сами постматериалистические тенденции оказались не столь существенными, как считалось изначально. Основная уязвимость концепции Инглхарта связана со спецификой методологии его исследований. То, как люди позиционируют себя, и то, как отвечают на вопросы, не обязательно говорит о том, какими они являются на самом деле. Иначе говоря, изменение декларируемых ценностей еще не свидетельствует об изменении реального поведения. Это особенно заметно на примере заботы об окружающей среде. Как показывает статистика, доля потребления материальных благ в ВВП материалистических и постматериалистических стран отличается несущественно (Eklund 2012). Более того, согласно исследованию National Geographic «Greendex – Выбор потребителя и окружающая среда», не похоже, что жители постматериалистических стран серьезно меняют свои потребительские установки. Индекс устойчивого потребления¹ оказывается даже выше в ряде *материалистических* стран. И, что примечательно, *наименее* устойчивым с точки зрения заботы об окружающей среде потреблением отличаются США (Greendex 2014... 2014). По заключению экспертов, составлявших рейтинг Greendex, обеспокоенность проблемами окружающей среды неизменно растет с начала наблюдений (2008). Так, «исследование, проведенное в 2014 г., показало, что 61% потребителей заявляют, что они очень обеспокоены проблемами окружающей среды. Но результаты свидетельствуют, что повышенная экологическая озабоченность явно не переводится в изменение реального поведения» (люди, к примеру, не отказываются от покупок новой бытовой техники или автомобилей) (Greendex 2014... 2014). К похожим результатам пришли исследователи из проекта «DDB Life Style Study»: в 2014 г. они установили, что только 36% американцев приняли бы более низкий уровень жизни, если бы это привело к экономии энергии. В данном отношении наблюдается отрицательная динамика с 1980 г.: тогда 60% американцев были готовы экономить энергию (DDB Worldwide...).

По всей видимости, постматериалистические ценности реально повлияли только на рост обеспокоенности правами представителей сексуальных меньшинств и гендерным неравенством. Но это вполне укладывается в индивидуалистическую логику, ничем не противоречащую субъектности

¹ Устойчивое потребление – экономное использование природных ресурсов в рамках удовлетворения только лишь необходимых потребностей.

«человека экономического». В остальном же все несколько сложнее, нежели полагалось изначально.

Ценности молодых поколений: обратно к материализму?

Дополнить картину могут результаты исследований ценностей разных поколений. Здесь признанным экспертом является социолог и социальный психолог Дж. Твендж. Следует отметить, что методология исследований Твендж внушает больше доверия, чем таковая у Р. Инглхарта. И дело даже не в том, что Твендж оперирует гораздо большим набором индикаторов, а в том, что она, как правило, стремится проверять результаты количественных исследований в интервью с представителями различных поколений. Конечно, любая разница между поколениями может быть объяснена возрастными особенностями. Однако Твендж учитывает и это: она обычно использует данные масштабных лонгитюдных исследований, в рамках которых людям в одном и том же возрасте задают одни и те же вопросы (например, General Social Survey). Это позволяет выявить разницу между тем, какие ценности разделяли и разделяют представители различных поколений начиная с 1950-х гг. по сегодняшний день. Тем не менее необходимо помнить, что в своих книгах Твендж в основном обращается к статистическим данным по США, что несколько снижает репрезентативность ее выводов относительно таковых Инглхарта. Но, как отмечает сама Твендж, «многие тенденции смены поколений, которые отмечаются в США, актуальны и применительно ко многим другим развитым странам» (Twenge 2017: 13). Думается, этому утверждению можно доверять, поскольку ряд статей Твендж посвящены довольно подробному обзору международной литературы по исследованиям ценностей различных поколений (см.: Twenge 2013).

Прежде всего в работах Дж. Твендж выявляются особенности поколения миллениалов (поколение Y), которое она сама обозначила как GenMe (что можно перевести еще как «поколение “Меня”»). Миллениалов (1981–1994 гг. рождения) Твендж метафорично характеризует как поколение нарциссов (Twenge 2014). Там, где Инглхарт видит ценности самореализации, Твендж фиксирует завышенную самооценку. Представители поколения миллениалов росли в тепличных условиях экономической стабильности и воспитывались идеалистами из поколения беби-бумеров, которые твердили, что их дети должны «следовать за своей мечтой». Нарциссический психотип характеризуется стремлением привлечь внимание к своей особе, завышенными ожиданиями от будущего. Как отмечает Дж. Твендж, «в репрезентативной выборке из 7 миллионов студентов в 1966–2010 годах представители поздних поколений с большей вероятностью оценивали себя “выше среднего” в таких областях, как академические способности, стремление к достижению, лидерство. Однако это произошло не из-за фактического улучшения успеваемости, поскольку оценки стандартизированных тестов существенно не менялись, а то и вовсе снижались с каждым годом... Более поздние поколения имеют значительно более высокие надежды на будущее в плане образовательных и профессиональных достижений» (Twenge 2013: 12). Нарциссизм обнаруживает себя не только в завышенных ожиданиях, но

и в том, что молодые люди считают себя особенными, а потому стремятся всячески выделиться из общей массы. По мере общения с респондентами Твендж то и дело отмечала повторяющиеся фразы наподобие «я люблю показывать свое тело», «мне нравится смотреть на мое тело», «мне нравится смотреть на себя в зеркале», «я необыкновенный человек», «я стану отличным человеком», «я могу жить так, как хочу», «у меня есть естественный талант влиять на людей», «мне нравится, когда меня хвалят», «я знаю, что я хороший человек, потому что все говорят мне так» (Twenge 2013: 13).

Становление нарциссической субъектности означает сдвиг от так называемых внутренних (intrinsic) жизненных приоритетов (забота о близких, чувство сообщества, принадлежности) к внешним (extrinsic) (деньги, имидж, слава). Это говорит о том, что их собственная персона заботит миллениалов гораздо больше, чем, скажем, проблемы других. И хотя они нередко подчеркивают, что крайне озабочены проблемами окружающей среды и другими социальными вопросами, само их поведение выявляет обратное. Как пишет Твендж, «...уровень эмпатии уменьшился среди студентов в период с 1979 по 2008 год. Вера в “справедливый мир” – убеждение, что люди получают то, что они заслуживают, свидетельствует о меньшем сочувствии к бедным» (Twenge 2013: 13). Более того, «в национальной репрезентативной выборке 11 миллионов американских студентов старшей школы и колледжей миллениалы выражают меньше озабоченности проблемами других и меньше гражданской вовлеченности, чем представители поколения X (рожденные в 1961–1981 гг.) или беби-бумеры (рожденные в 1946–1960 гг.) в том же возрасте. Миллениалы гораздо меньше настроены тратить деньги на благотворительность ... они также меньше склонны участвовать в политике, реже обсуждают социальные проблемы, реже принимают какие-то личные меры, чтобы помочь окружающей среде» (Twenge 2013: 14). Миллениалы также стремятся к достижению равновесия между трудом и досугом (Twenge, 2010). Однако они почти ничем не отличаются от предыдущих поколений в отношении альтруистических трудовых ценностей. Как отмечает Твендж, «ошибочное представление о том, что GenMe больше свойственны альтруистические трудовые ценности, чем предыдущим поколениям, возможно, связано с тем, что старшеклассники с большей вероятностью сообщали о своей волонтерской деятельности, чем их предшественники. Однако за этот же период многие школы начали включать волонтерскую деятельность в образовательные программы; добровольный труд в портфолио также стал иметь значение при поступлении в колледж» (Twenge 2010: 204).

Не менее примечательны результаты исследований ценностей следующего за поколением миллениалов поколения Z – 1995–2005 гг. рождения (в терминологии Дж. Твендж – iGen (или поколение i). Поколение i – это поколение, представители которого не знали мира без Интернета и мобильных гаджетов. Однако это также поколение, взрослевшее в более суровые времена экономической депрессии. Соответственно Твендж уже не называет iGen'еров нарциссами. Правда, это и не означает того, что поколение Z является более «постматериалистичным». Напротив, тенденция к мате-

риализму только усиливается. Никуда не исчезает и зацикленность на собственной персоне. Более того, это приводит к большим психологическим проблемам, связанным с повсеместным распространением социальных сетей. Профиль в социальных сетях сегодня стал своеобразным инструментом самореализации: каждый стремится показать себя в самом выгодном свете. Возникает иллюзия благополучия всех вокруг, которая порождает так называемый синдром упущенных возможностей (Стиллман, Стиллман 2018): листавшие новостные ленты подростки видят только успехи окружающих и многие просто не понимают, что другие тоже могут терпеть неудачу. Отсюда повсеместная зависть. Как ответил Дж. Твендж один из респондентов, «я думаю, что Facebook делает меня подавленным. Определенно он вводит меня в депрессию. Все мои друзья делятся интересными подробностями своей гламурной жизни, и это заставляет меня чувствовать себя дерьмом» (Twenge 2017: 93). Современные подростки все реже общаются с глазу на глаз (почти в два раза меньше, чем беби-бумеры). Выявляется строгая корреляция между симптомами подростковой депрессии и временем, которое подростки тратят на социальные сети (Twenge 2017: 72). О еще большем индивидуализме представителей поколения Z свидетельствует и то, что они предпочитают работать в одиночку. Как указывают Д. и И. Стиллманы, 42% представителей поколения Z заявляют, что «предпочли бы закончить проект единолично и получить заслуженное признание, чем делать это в составе группы и делить славу на всех» (Стиллман Д., Стиллман И. 2018: 215).

Следует отметить, что поколение Z даже еще больше озабочено славой и деньгами, нежели миллениалы. По сути, поколение Z – это поколение материалистов и реалистов. По словам Твендж, «iGen'еры полагают, что им нужно сосредоточиться на оплате счетов, которые представляют собой ошеломляющую стопку квитанций по студенческому долгу, что осложняет процесс размышлений о каких-то других приоритетах, помимо денежных» (Twenge 2017: 154). Отсюда гораздо более слабые *внутренние* приоритеты и более сильные *внешние*. Возможно, это также связано с культурным значением соцсетей, которые способствуют распространению материалистических и индивидуалистических ценностей: «Страстные пользователи соцсетей на 45% более склонны считать важным приобретение дорогих машин и приобретение загородных домов, и они на 14% реже говорят, что думают о социальных проблемах, затрагивающих мир» (Twenge 2017: 160). «В целом представители поколения Z еще меньше альтруисты, чем миллениалы: гораздо больше iGen'еров согласны с нейтральной позицией в отношении таких откровенных заявлений, как “на самом деле это не мое дело, если у других есть проблема и им нужна помощь”, или “возможно, представители некоторых социальных групп страдают от несправедливости, но это не мое дело”» (Twenge 2017: 158).

При этом, что парадоксально, на уровне декларируемых ценностей происходит даже рост озабоченности социальными проблемами и проблемами окружающей среды (как раз то, что Инглхарт учел бы как постматериалистические ценности). Но реальность оказывается гораздо более противоречивой. Дело в том, что представители поколения Z в действительности

еще менее склонны жертвовать деньги на благотворительность, то есть «они хоть и хотят на словах внести свой вклад, но на деле не так склонны реально действовать» (Twenge 2017: 160). По словам одного из респондентов, «люди будут размещать посты в социальных медиа о том, как хорошо немного помочь нуждающимся, но посты в социальных медиа никому не помогают, они бесполезны и лицемерны» (Twenge 2017: 160). Представители поколения Z также стремятся избегать всяческих обязательств. Они гораздо реже вступают в романтические отношения. Все меньше молодых людей планируют в ближайшее время заводить семью и детей. Как отметил один из респондентов, «20-е годы жизни чрезвычайно важны: ты должен знать, кто ты, и строить фундамент на всю оставшуюся жизнь. Вы не хотите заикливаться на чьих-то проблемах, победах и неудачах. В конце концов, 20-е годы – это годы, когда вы делаете себя. Будьте эгоистичны, веселитесь и изучайте мир» (Twenge 2017: 193).

Что же касается роли труда, то здесь наблюдается неоднозначная тенденция. Как пишет Твендж, «миллениалы просто не верили, что работа будет для них столь же важна, как для беби-бумеров; они хотели больше сосредоточиться на других вещах в своей жизни. iGen'еры повернули эту тенденцию вспять, вернув работе центральную роль – примерно на уровень показателей поколения X в 1990-х гг., хотя этот уровень и значительно ниже, чем в 1970-х гг.» (Twenge 2017: 166). 55% старшеклассников в 2015 г. заявили о том, что они готовы работать сверхурочно; данный показатель в 2004 г., например, составил 44%. Меньше iGen'еров утверждают, что они пожелают уволиться, если получают достаточно денег. Вместе с тем iGen'еры продолжают тренд миллениалов, еще чаще говоря, что они не хотели бы перерабатывать (to work hard) (Twenge 2017: 167). То есть представители поколения Z ценят работу немного больше, хотя и не стремятся перерабатывать. Это связано с тем, что *хорошая работа становится дефицитом для молодых людей* (мы вернемся к этому ниже). Еще один фактор – рост стоимости высшего образования: средний выпускник, окончивший учебу в 2016 г., выплатил 37 177\$ по образовательному кредиту; это значительно больше по сравнению с 2005 г. – 22 575\$ и с 1993 г. – 9 727\$ (Twenge 2017: 169).

Таким образом, имеют место либо несоответствие между декларируемыми постматериалистическими ценностями и реальным поведением, либо «откат» в сторону материалистических ценностей. Возникает резонный вопрос: как объяснить подобный расклад?

Ценности рентного общества

На наш взгляд, подлинный расцвет постматериализма невозможен в условиях капиталистической экономики. Инглхарт, конечно, далеко не неолиберал. Однако он, очевидно, отдает предпочтение капиталистической экономике. К примеру, в книге Р. Инглхарта и К. Вельцеля утверждается, что «стратегия импортозамещения не дает нужного результата. Страны, в наименьшей степени затронутые глобальным капитализмом, не только не выдвинулись на первые позиции в мире, но и демонстрируют самые низкие показатели экономического роста» (Инглхарт, Вельцель 2011: 35). А далее

следует апологетика глобального капитализма в контексте критики теории мировых систем: «...деятельность глобальных корпораций в развивающихся странах также не оборачивается теми пагубными последствиями, что приписывают ей сторонники теории мировых систем. В действительности иностранные инвестиции стимулируют рост и способствуют повышению благосостояния нации, отчего выигрывают не только элиты, но и массы» (Инглхарт, Вельцель 2011: 36). Иными словами, Р. Инглхарт разрабатывал очевидно буржуазную по духу концепцию модернизации, но не учел, что наблюдавшийся рост постматериалистических ценностей связан не с успехами капиталистической экономики, а с достижениями социального государства, за которое боролись многие левые. Сильное социальное государство обеспечивало относительное равенство, рост материального благосостояния среднего гражданина, что порождало отмечаемое Инглхартом ощущение экзистенциальной безопасности. Сильное социальное государство предоставляло также гарантии получения образования и трудоустройства. Как только институты социального государства в эпоху неолиберализма начали демонтировать, все изменилось принципиальным образом. Именно поэтому сегодня эмпирические данные свидетельствуют об обратной постматериализму тенденции: молодые люди все чаще стремятся к престижу, славе и деньгам и все меньше думают о других. Они нацелены не столько на изменение системы, сколько на приспособление к ней и стремление занять в ней должное место, которое обеспечивало бы внимание окружающих к собственной персоне и нескончаемый поток лайков в соцсетях. Судя по всему, происходит своеобразный ренессанс материалистических ценностей.

В принципе, Инглхарт не игнорирует многие проблемы, но при этом он противоречит сам себе. К примеру, в одной из своих последних статей он пишет: «35-летний быстрый экономический рост и расширение возможностей, которые стимулировали развитие демократических стран после Второй мировой войны, вызвали повсеместные культурные изменения, способствующие росту популярности зеленых партий и распространению демократии. Но в течение последних 35 лет, в то время как эти страны по-прежнему имели значительный экономический рост, практически все выгоды получали те, кто наверху социальной иерархии; люди с плохим уровнем образования ощутили падение реальных доходов и резкое снижение своей социальной позиции, что подстегнуло поддержку популистских авторитарных партий» (Inglehart 2017: 445). Что примечательно, Инглхарт по-прежнему приводит диаграммы, согласно которым представители молодых поколений являются большими постматериалистами (Inglehart 2017). Но если постматериализм укрепляет демократию, то почему эта демократия служит, в конце концов, интересам 1% самых богатых в ущерб остальным 99%? Инглхарт дает весьма неубедительный ответ: сдвиг в сторону постматериалистических ценностей привел к тому, что проблема перераспределения материальных благ перестала быть ключевой в политике. Людей сегодня больше беспокоят проблемы окружающей среды или, например, права различного рода меньшинств (Inglehart 2017). Но при таком раскладе оказывается, что постматериализм является не столько ключевой

характеристикой общественного прогресса, сколько чем-то более или менее частным, отвлекающим общество от многих существенных социальных проблем.

Фактически же постматериализм, который оказался не таким сильным, как представлялось изначально, не укрепил демократию, которая во многих развитых странах переживает не лучшие времена (Крауч 2010). Молодые поколения демонстрируют минимум доверия к политическим институтам и все реже ходят на выборы (Twenge 2017: 235). По сути, это также не предотвратило дальнейшее разобщение общества. По данным DDB Life Style Survey, доверие граждан США друг к другу начало расти после Второй мировой войны и достигло максимальных показателей в 1967–1968 гг., когда примерно 56% респондентов согласились с тем, что «большинству людей можно доверять». Но дальше уровень генерализованного (обобщенного) доверия стал снижаться, и в последнее время он достигает минимальных показателей: только один из трех американцев в 2014 г. отвечал, что «большинству людей можно доверять». Среди поколения миллениалов это показатель еще ниже: только один из пяти. К аналогичным результатам пришли эксперты из проекта General Social Survey (GSS) (*The Decline of Trust...*).

Сегодня, по всей видимости, трансформация ценностей свидетельствует о формировании *рентного общества* (Давыдов, Фишман 2015; Мартыанов 2017). Становление рентного общества есть во многом результат утраты трудовой и военной значимости граждан (Фишман 2011). Рентное общество – это общество, все более разделяющееся на две главные антагонистические страты: тех, кто извлекает политическую ренту и эксплуатирует небольшую прослойку креативного «производительного класса», и многочисленный слой вынужденных существовать на общественную ренту мелких рантье. Такие рантье не способны в условиях ускоряющегося научно-технического прогресса конкурировать с машинами, искусственным интеллектом и высококвалифицированными работниками творческих и интеллектуальных профессий. Расширение социальной прослойки «лишних людей», по всей видимости, связано с неспособностью буржуазного общества качественно изменить институты, ответственные за формирование всесторонне развитой личности. По результатам исследования Deloitte, менее 4 из 10 работающих в настоящее время миллениалов (36%) и 3 из 10 представителей поколения Z считают, что у них есть навыки и знания, которые им понадобятся для процветания в реалиях высокотехнологичной экономики (*The Deloitte Millennial Survey 2018...*).

При этом отмеченный рост материалистических ценностей происходит весьма специфическим образом: параллельно кризису труда и трудовых ценностей. Выше было отмечено, что поколение Z больше ценит работу. Однако данная тенденция оказалась неоднозначной. Скорее, речь идет о повышении ценности работы как источника хоть какого-то дохода. При этом работу перестают расценивать в качестве важнейшего средства самореализации. Для большей части «лишних людей» доступной оказывается только непривлекательная, низкооплачиваемая и нестабильная работа. Соответственно и труд лишается самостоятельной ценности, становится

чисто инструментальной, прагматической деятельностью. А потому неудивительно, что молодые люди не спешат работать, если есть возможность *не работать*. Например, наблюдается резкий рост безработицы среди молодежи, начавшийся еще в 2000 г. (то есть до кризиса). Это также не связано с ростом доли поступивших в колледжи, поскольку показатели занятости 16–17-летних подростков снижались даже еще более динамично (Twenge 2017: 173). Уменьшение доли работающих подростков существенно: в конце 1970-х гг. только 22% старшеклассников вообще не работали за зарплату в течение учебного года, но к началу 2010-х гг. их насчитывалось уже в два раза больше – 44%. Количество восьмиклассников, работающих за зарплату, снизилось вдвое. Это сокращение ускорилось в течение Великой рецессии (2007–2009), но в дальнейшем занятость не вернулась на свои прежние места. Подростки также меньше работают летом: в 1980 г. у 70% была летняя работа, а в 2010 г. этот показатель составил 43%. И это, похоже, не связано с невозможностью найти работу; согласно данным Бюро статистики труда, число подростков, которые хотят найти работу, но не могут найти ее, осталось примерно одинаковым, но число не желающих работать удвоилось (Twenge 2017: 41). Сложившуюся ситуацию нельзя объяснить и увеличением времени, которое подростки тратят на учебу. Фактически это время даже сократилось. Это можно связать с тем, что гораздо больше подростков сегодня настроены на получение высшего образования. Но решающее значение имеет фактор избытка развлечений. В одном исследовании зафиксировано, чем занимались молодые безработные или низкоквалифицированные работники в свободное время: «...они играли в видеоигры. 25% играли в видеоигры 3 или более часа в день, а 10% играли как минимум 6 часов» (Twenge 2017). Идеалом становится такая работа, которая не будет сильно напрягать, не будет отвратительной, но будет приносить хотя и не большой, но стабильный доход. Представители поколения *i* *просто не хотят ненавидеть свою работу* (Twenge 2017: 165). Однако, в сущности, это уже и есть логика рантье: если вместо работы им дать безусловный доход (гарантированные ежемесячные пособия для всех без исключения граждан), то мало что изменится. Как показал недавний опрос Gallup, представители молодых поколений все чаще поддерживают идею безусловного дохода. 54% респондентов в возрасте 18–35 лет заявили, что являются сторонниками безусловного дохода, тогда как среди людей старше 66 лет данную идею поддержали только 38%. Было также обнаружено, что 73% американцев прогнозируют, что искусственный интеллект приведет к потере большего количества рабочих мест, чем он создает (Public Split on Basic Income...). Соответственно, если молодые поколения выйдут на политическую авансцену, то разве что с целью борьбы за ренту (за «право на жизнь» и минимальный достаток независимо от труда).

Конечно, в опросе, проведенном в 2015 г., было установлено, что американская молодежь в возрасте 18–24 лет более склонна благоприятно смотреть на социализм, нежели на капитализм (Twenge 2017: 249). В 2017 г. ситуация была похожей. По данным опроса миллениалов (социологическая служба YouGov), 44% предпочли бы жить в социалистической стране, 42%

проголосовали за капитализм, 7% выбрали коммунизм, а еще 7% мечтают о фашистской диктатуре (Бовдунов 2017). Но не стоит воспринимать данные цифры как нечто свидетельствующее о скором крахе мировой капиталистической системы, ибо большинство одобряющих социализм на самом деле плохо понимают, что это такое (Twenge 2017: 249). Фактически существующее неприятие капитализма сводится к отрицанию его неолиберальной версии, перекрывающей социальные лифты для молодых людей. Мировая буржуазия вполне сможет поделиться с ними рентой, лишь бы те проявляли политическую лояльность. И резонно сомневаться в том, что, получив ренту, большинство безработных и испытывающих периодические проблемы с трудоустройством представителей поколений Y и Z резко изменят свой прекарный социальный статус. Для подлинной самореализации недостаточно толерантности или экзистенциальной безопасности. Для этого нужна всесторонняя перестройка общества, всей *тотальности* бытия: от политических и образовательных институтов до повседневности.

Таким образом, можно заключить, что концепция постматериализма оказалась в лучшем случае преждевременной. В целом постматериализм и капиталистическая экономика – это вещи, по всей видимости, антагонистические. Сегодня вновь наблюдается рост материалистических ценностей, что свидетельствует о том, что дискурс оправдания капиталистической системы, подспудно присутствующий в трудах Инглхарта, неубедителен. В условиях капиталистической экономики постматериализм может быть только слабым и временным, мало влияющим на реальное поведение. Но и такие «слабые» постматериалистические ценности – это достижение не рыночной экономики, а социального государства, которое обеспечивало относительное равенство, рост благосостояния всех слоев населения, а главное – гарантировало конкретные возможности: образования, трудоустройства, отдыха и т.п. Достижения социального государства, в свою очередь, были обусловлены *классовой борьбой* в условиях высокой трудовой и военной значимости граждан. Сегодня же, в эпоху цифровизации и повсеместной автоматизации производства, наблюдается обратная тенденция: рост социальной прослойки «лишних людей», вынужденных заниматься бессмысленной, непостоянной и низкооплачиваемой работой. Это приводит к тому, что в работе перестают видеть самостоятельную ценность, хотя и растет потребность в ней как источнике хоть какого-то дохода, что, в свою очередь, обуславливает рост популярности идеи безусловного дохода. Фактически же материализм (и в первую очередь озабоченность деньгами) в специфической посттрудовой форме является следствием формирования рентно-сословного общества. Вполне возможно, что в таком обществе живущие на общественную ренту «лишние люди» будут радоваться лайкам в социальных медиа, мечтать о свалившихся с неба богатстве и славе, играть в компьютерные игры или еще какими-то другими способами празднично проводить время. Но реальные богатство и слава, скорее всего, будут концентрироваться в руках тех, кто имеет реальную власть и, в сущности, привилегию творческой и трудовой самореализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бовдунов А. 2017. Новая американская мечта: почему молодежь США выбирает социализм [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/446305-molodyozh-ssha-socializm> (дата обращения: 24.05.2018).
- Давыдов Д.А. 2014. Полемика вокруг теории социального капитала Р. Патнэма // Вестн. Перм. ун-та. Серия: Политология. № 2. С. 52-65.
- Давыдов Д.А., Фишман Л.Г. 2015. От капитализма к рентному обществу // Политика: Анализ, Хроника, Прогноз. № 1. С. 39-54.
- Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М. : Новое изд-во. 464 с.
- Крауч К. 2010. Постдемократия. М. : Издат. дом ГУ ВШЭ. 192 с.
- Мартьянов В.С. 2014. Глобальный Модерн, постматериальные ценности и периферийный капитализм в России // ПОЛИС : Полит. исслед. № 1. С. 83-98.
- Мартьянов В.С. 2017. Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? // СОЦИС : Социолог. исслед. № 5. С. 141-153.
- Стиллман Д., Стиллман И. 2018. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык. М. : Манн, Иванов и Фербер. 272 с.
- Фишман Л.Г. 2011. Происхождение демократии («Бог» из военной машины). Екатеринбург : РИО УрО РАН. 258 с.
- Врум Р. 2016. After Postmaterialism: An Essay on China, Russia and the United States // Canadian J. of Sociology. № 2. P. 195-212.
- DDB Worldwide. DDB Life Style Study Reveals Consumers Not as Seem [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ddb.com/blog/strategy/ddb-life-style-study-reveals-c/> (дата обращения: 24.05.2018).
- Eklund F. 2012. Consequences of Post-Materialism: Testing Predicted Changes and an Extension to the Theory of Post-Materialism [Электронный ресурс]. URL: <http://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordOid=3357837&fileOid=3403378> (дата обращения: 24.05.2018).
- Greendex 2014: Consumer Choice and the Environment – A Worldwide Tracking Survey [Электронный ресурс], 2014. URL: https://images.nationalgeographic.com/wpf/media-content/file/NGS_2014_Greendex_Highlights_FINAL-cb1411689730.pdf (дата обращения: 24.05.2018).
- Inglehart R.F. 1977. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton : Princeton Univ. Press. 496 p.
- Inglehart R.F. 2008. Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006 // West European Politics. № 1-2. P. 130-146.
- Inglehart R.F. 2016. How Much Should We Worry? // J. of Democracy. № 3. P. 18-23.
- Inglehart R.F. 2017. Trump and the Populist Authoritarian Parties: The Silent Revolution in Reverse // Perspectives on Politics. № 2. P. 443-454.
- Public Split on Basic Income for Workers Replaced by Robots [Электронный ресурс]. URL: http://news.gallup.com/poll/228194/public-split-basic-income-workers-replaced-robots.aspx?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_content=morelink&utm_campaign=syndication (дата обращения: 24.05.2018).
- Putnam R.D. 1993. What Makes Democracy Work? // National Civic Review. № 2. P. 101-107.
- Putnam R.D. 2000. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster. 554 p.
- The Decline of Trust in the United States A Look at the Trend and What Can Be Done About It [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/@monarchjogs/the-decline-of-trust-in-the-united-states-fb8ab719b82a> (дата обращения: 24.05.2018).

The Deloitte Millennial Survey 2018. Millennials' confidence in business, loyalty to employers deteriorate [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/global/en/pages/about-deloitte/articles/millennialsurvey.html> (дата обращения: 24.05.2018).

Twenge J.M. 2010. A Review of the Empirical Evidence on Generational Differences in Work Attitudes // *J. of Business and Psychology*. № 2. P. 201-210.

Twenge J.M. 2013. The Evidence for Generation Me and Against Generation We // *Emerging Adulthood*. № 1. P. 11-16.

Twenge J.M. 2014. *Generation Me - Revised and Updated: Why Today's Young Americans Are More Confident, Assertive, Entitled-and More Miserable Than Ever Before*. New York : Atria Books. 400 p.

Twenge J.M. 2017. *iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy-and Completely Unprepared for Adulthood-and What That Means for the Rest of Us*. New York : Atria Books. 352 p.

D. Davydov. Kontsepsiya postmaterializma Ronald Ingkharta v kriticheskoy perspektive [Ronald Inglehart's concept of post-materialism in critical perspective], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 86–102. (in Russ.).

Dmitriy A. Davydov, Candidate of Political Science, Research Fellow, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, Russia. E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-7978-9240

Article received 28.05.2018, accepted 30.06.2018, available online 01.10.2018

RONALD INGLHART'S CONCEPT OF POST-MATERIALISM IN CRITICAL PERSPECTIVE

Abstract. The article deals with the problem of interpreting empirical data on the dynamics of values. Ronald Inglehart's concept of post-materialism is criticized. It is argued that the true flourishing of post-materialistic values is impossible in the capitalist society. It is shown that many post-materialism's achievements turns out to be not as significant as it is originally intended. Most likely, the observed manifestations of post-materialism in the post-war decades are connected with the achievements of a social state that does not allow strong social inequality, ensures the guarantees of education, employment, stable growth of the material well-being of citizens, and so on. It is shown that post-materialistic tendencies are quickly reversed with the transition towards neoliberal model of economy; it is confirmed by longitudinal studies of the youth values. According to the results of these studies, today there is a significant shift towards "external" priorities (money, fame, image, etc.). The values of self-realization declared by representatives of young generations are often results from the overestimated self-esteem and narcissistic obsession with one's own person. In words, the representatives of young generations are more concerned with public problems, although in reality they show less empathy and altruism. Self-realization through social activity, labor and self-development is often replaced by "wanting to be liked" in social media, or the desire to achieve success in virtual world. It is suggested that the dynamics

of values testifies the formation of a rental society. In such a society, the acceleration of the rates of digitalization and automation of production is combined with the crisis of the educational institutions responsible for personal development, and the training of personnel for a high-tech economy. Therefore, representatives of the growing social stratum of “superfluous people” increasingly express their “materialistic” interest in a stable income independent of their work merits, as well as access to various kinds of entertainment.

Keywords: millennials, generation Z, post-capitalism, post-materialistic values, rental society.

References

Bovdunov A. *Novaya amerikanskaya mechta: pochemu molodezh' SShA vybiraet sotsializm* [New American Dream: Why the US Youth Chooses Socialism], 2017, available at: <https://russian.rt.com/world/article/446305-molodyozh-ssha-socializm> (accessed May 24, 2018). (in Russ.).

Brym R. After Postmaterialism: An Essay on China, Russia and the United States, *Canadian J. of Sociology*, 2016, no. 2, pp. 195-212.

Crouch C. *Postdemokratiya* [Post-democracy], Moscow, Izdatel'skiy dom GU VSHEH, 2010, 192 p. (in Russ.).

Davydov D.A. *Polemika vokrug teorii social'nogo kapitala R. Putnema* [The Debate About R. Putnam's Social Capital Theory], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*, 2014, no. 2, pp. 52-65. (in Russ.).

Davydov D.A., Fishman L.G. *Ot kapitalizma k rentnomu obschestvu* [From Capitalism to Rent Society], *Politiya: Analiz, Hronika, Prognoz*, 2015, no. 1, pp. 39-54. (in Russ.).

DDB Worldwide. *DDB Life Style Study Reveals Consumers Not as Seem*, available at: <https://www.ddb.com/blog/strategy/ddb-life-style-study-reveals-c/> (accessed May 24, 2018).

Eklund F. *Consequences of Post-Materialism*, 2012, available at: <http://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordOID=3357837&fileOID=3403378> (accessed May 24, 2018).

Fishman L.G. *Proiskhozhdenie demokratii («Bog» iz voennoy mashiny)* [The origin of Democracy (“God” From a Military Machine)], Ekaterinburg, RIO UrO RAN, 2011, 258 p. (in Russ.).

Greendex 2014: Consumer Choice and the Environment – A Worldwide Tracking Survey, available at: https://images.nationalgeographic.com/wpf/media-content/file/NGS_2014_Greendex_Highlights_FINAL-cb1411689730.pdf (accessed May 24, 2018).

Inglehart R., Welzel C. *Modernizatsiya, kul'turnyie izmeneniya i demokratiya: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change, and Democracy: the Human Development Sequence], Moscow, Novoe izdatelstvo, 2011, 464 p. (in Russ.).

Inglehart R.F. Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006, *West European Politics*, 2008, no. 1-2, pp. 130-146.

Inglehart R.F. How Much Should We Worry? *J. of Democracy*, 2016, no. 3, pp. 18-23.

Inglehart R.F. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*, Princeton, Princeton Univ. Press, 1977, 496 p.

Inglehart R.F. Trump and the Populist Authoritarian Parties: The Silent Revolution in Reverse, *Perspectives on Politics*, 2017, no. 2, pp. 443-454.

Martyanov V.S. *Global'nyy Modern, postmaterial'nye tsennosti i periferiynny kapitalizm v Rossii* [Global Modernity, Postmaterial Values and Peripheral Capitalism in Russia], *POLIS: Politicheskie issledovaniya*, 2014, no. 1, pp. 83-98. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Nashe rentnoe budushchee: global'nye kontury obshchestva bez truda?* [Our Rental Future: Global Outlines of a Labourless Society?], *SOTsIS : Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017, no. 5, pp. 141-153. (in Russ.).

Public Split on Basic Income for Workers Replaced by Robots, available at: http://news.gallup.com/poll/228194/public-split-basic-income-workers-replaced-robots.aspx?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_content=morelink&utm_campaign=syndication (accessed May 24, 2018).

Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*, New York, Simon & Schuster, 2000, 554 p.

Putnam R.D. What Makes Democracy Work?, *National Civic Review*, 1993, no. 2, pp. 101-107.

Stillman D., Stillman I. *Pokolenie Z na rabote. Kak ego ponyat' i nayti s nim obshchiy yazyk* [Gen Z at Work: How the Next Generation is Transforming the Workplace], Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2018, 272 p. (in Russ.).

The Decline of Trust in the United States A Look at the Trend and What Can Be Done About It, available at: <https://medium.com/@monarchjogs/the-decline-of-trust-in-the-united-states-fb8ab719b82a> (accessed May 24, 2018).

The Deloitte Millennial Survey 2018. Millennials' confidence in business, loyalty to employers deteriorate, available at: <https://www2.deloitte.com/global/en/pages/about-deloitte/articles/millennialsurvey.html> (accessed May 24, 2018).

Twenge J.M. A Review of the Empirical Evidence on Generational Differences in Work Attitudes, *J. of Business and Psychology*, 2010, no. 2, pp. 201-210.

Twenge J.M. *Generation Me - Revised and Updated: Why Today's Young Americans Are More Confident, Assertive, Entitled-and More Miserable Than Ever Before*, New York, Atria Books, 2014, 400 p.

Twenge J.M. *iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy-and Completely Unprepared for Adulthood-and What That Means for the Rest of Us*, New York, Atria Books, 2017, 352 p.

Twenge J.M. The Evidence for Generation Me and Against Generation We, *Emerging Adulthood*, 2013, no. 1, pp. 11-16.